

О.В. Данич

Сфера поведения человека в русской и белорусской мифологии

Цель данной статьи – рассмотреть сквозь призму языка особенности поведения человека, отображенные в русской и белорусской мифологических системах. (Работа выполнена при содействии Белорусского республиканского Фонда фундаментальных исследований).

Поведение человека представляет собой малоисследованную сферу человеческой деятельности несмотря на то, что оно является предметом изучения ряда естественных и социальных наук, а также наук, связанных с созданием искусственного интеллекта. Особый интерес в последние десятилетия вызывает отображение в национальных языках онтологических характеристик этого сложнейшего феномена. Не вызывающий сомнений тезис о том, что язык является важнейшим каналом хранения и поступления информации о мире, позволяет использовать языковые единицы как объект специальных культурологических исследований. Как представляется, анализ сферы поведения человека в культурном контексте возможно проводить сквозь призму мифологической фразеологии. Русские и белорусские фразеологизмы со значением поведения хранят в себе ценнейшую информацию о национальной мифологической системе, мифы же являются не просто частью духовной культуры народа, а ее сутью.

Таким образом, поиск сведений о мифологических воззрениях народа, о различных мифологемах в семантике фразеологических единиц, обозначающих поведение, и является предметом нашего внимания.

Само понятие мифа, его сущности, свойств и функций находится в ряду, пожалуй, самых спорных и неоднозначных. Изучением данного феномена на протяжении двух последних веков занимается целый ряд наук: фольклористика и этнография, лингвистика и литературоведение, антропология и культурология, психология и философия. Тем не менее, миф так и остается загадкой, вызывающей жгучий интерес исследователей.

С уверенностью можно утверждать лишь то, что мифы представляют собой особую форму мышления, орудие познания, выражение народной мудрости, они надежно хранят результаты длительного развития человека. Именно в

этом их наивысшая ценность как объекта исследования, ибо «Миф есть жизненное условие всякой культуры» [1].

Существующие в науке классификации мифов основываются на самых различных принципах: этническом, национальном, религиозном, функциональном, тематическом и др. Для изучения мифов на материале фразеологического фонда языка наиболее удачной нам представляется классификация, предложенная В.А. Масловой. В самом общем виде система мифов выглядит следующим образом: 1. Мифы о происхождении Вселенной, Земли и звезд. 2. Мифы об устройстве мира и языка. 3. Явления природы как фактор культуры, отраженной в языке. 4. Образ человека в славянской мифологии. 5. Общество в зеркале мифологии и языка [2].

Отличительной особенностью русских и белорусских фразеологизмов, обозначающих поведение человека, является тот факт, что в семантике данных языковых единиц открыто представлена или закодирована информация почти обо всех элементах мифологической системы.

Следы космогонической концепции русских и белорусов, да и славян вообще, можно увидеть в семантике фразеологизмов, обозначающих самые различные типы поведения. Так, например, мифологема огня как одного из первоэлементов бытия возникает в идиомах *греться у чужого огня*, *лапки лагрэць*, *таскать каштаны из огня*. Огонь в данном случае выступает в качестве источника жизни (переосмысленного источника материальных благ), но поведение оценивается отрицательно. В идиомах *пусціць агню ў хату*, *пустить красного петуха* (добавляется символика цвета) огонь воспринимается как разрушающая сила. Мифологема воды в значении идиом *прятать концы в воду*, *как водой смыло* проявляется как переосмысленный конец всего живого, а в устойчивом сочетании *живая вода* – как возрождение. Следует добавить, что негативный характер поведения, представленного в идиомах *мутить воду*, *ловить рыбку в мутной воде*, *вывести на чистую воду* подкрепляется представлением о животворящей силе только чистой воды. Огонь и вода – противоборствующие силы, что нашло отражение в семантике ФЕ *жыць як агонь з вадою*.

Особый интерес вызывает анализ идиом с компонентом *земля*. В сознании белорусов и русских данная мифологема также амбивалентна. В идиомах *стереть с лица земли*, *сквозь землю провалиться*, *сравнять с землей*, *з зямлёю змяшаць*, *з зямлёю знодаць*, *з сырой зямлёю шлюб узяць* земля является символом смерти, в идиоме *на чорную зямлю скапытаваць*, *у чорную зямлю ўлажыць* мотив смерти усиливается общепризнанной символикой черного цвета. Как пишет, например, И.В. Казакова «черный цвет символизирует несчастье, горе, уничтожение. Черное ассоциируется с мраком, землей и является настоящей эмблемой всего скрытого, таинственного, неизвестного» [3]. Другая сторона данной мифологемы – земля – мать-кормилица: *земля обетованная*, *сидеть на земле*, *рай земной*. Священное отношение к земле как к кормилице отразилось в обычае белорусов клясться с землей во рту или в руках *зямлю грызці*, *нюхаць зямлю*.

Четвертый первоэлемент бытия – воздух напрямую связан с мифологемой ветра, например, в идиоме *бросать слова на ветер* видны следы мифа о распространенном приеме колдовства – насылании болезней (произнесении заклятий) через ветер.

Группа мифов об устройстве мира, общества и человека в нем основана на принципе бинарных оппозиций. Примеры реализации данного принципа мы можем увидеть во фразеологизмах, обозначающих униженное, угодливое поведение, в основу образования которых легли переосмысленные ситуации, когда человек, унижаясь или угодничая, находится в пространстве как бы ниже

того, по отношению к кому ведет себя подобным образом (*гнуть спину, лизать пятки, валяться в ногах, лизать зад, ползать на коленях, падаць лістам, гнуцца ў тры пагібелі, боты цалаваць, ламаць шапку* (сняв шапку, станешь ниже ростом, тем более, что такое действие обычно сопровождается наклоном). Подобное переосмысление можно рассматривать как проявление глобальной бинарной оппозиции «верхний-нижний». Это одна из оппозиций, характерных для общеславянской культурной традиции, выделенных В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым [4], где верх – это «божественное», предписываемое, а низ – «инфернальное», запрещенное. Для того, чтобы обозначить и подчеркнуть признание главенствующей роли кого-либо, человек сознательно занимает положение «низа». Осознание такого противопоставления приводит к негативной оценке данного типа поведения. Интересно отметить, что «нижняя» позиция эксплицирована в прямом значении глагола, обозначающего подобное поведение: *у-ниж-аться* – находиться внизу.

Представление о позитивности и негативности компонентов оппозиции может и поменяться. Например, во ФЕ *рыть землю (носом)* – предпринимать активные действия и *коптить небо* – пассивно существовать оппозиция земля-небо как бы «переворачивается».

Для мифов, посвященных явлениям природы, характерен антропоморфический взгляд на окружающий мир, обожествление, персонификация сил природы и ее компонентов. Так, в идиоме *дать березовой каши* сохранился след древнего обычая есть весеннюю обрядовую кашу с березовыми почками, которая обладала целительной силой, как и сама береза, образ которой наделен положительной коннотацией. Целый ряд растений в сознании белорусов и русских приобретает символическое значение с негативной коннотацией: *рэдзьку сеяць* (ссориться), *мак зялены трэсці*, *бобы разводзіць* (болтать полусту), *горькую редьку грызць* (жить в тяжелых условиях), *прыбраўся, хоць у каноплі стаў* (оделся, как пугало), *даць гарбуза* (отказать сватам).

Особое место во фразеологии занимают мифы о животных. Например, образ собаки отличается явной двойственностью. С одной стороны, лучшее в человеке связано с собакой: *собацья верность, собаку съест, сабака не пераскочыць*, а с другой стороны – воплощение худшего: *злой, как собака, сабакам падшыты*. В то же время, как пишет В.А. Маслова, для белорусов, в отличие от русских, «... фразеологизмы с компонентом собака почти сплошь являются носителями негативной оценки, отрицательной коннотации» [2].

Птица в мифах выступает как высшее, божественное существо, даже священное, недаром положительные герои сказок, заколдованные злыми силами, превращались именно в птиц. Этот образ характеризуется несомненной положительной коннотацией, человек отождествляет себя с птицами, своих детей – с птенцами. Подобное представление отразилось в семантике идиом *вылетать из гнезда, станавіцца на крыло, расправлять крылья, подрезать крылья*.

Мифологический образ человека достаточно сложен и разнообразен. В данном случае следует говорить об антропоцентризме, когда человек воспринимает себя как центр мироздания, венец творения. Внешний образ человека можно представить тремя компонентами: голова и ее части, тело и ноги.

Глаза считаются, пожалуй, самой важной частью лица, основной поток информации о мире человек получает именно при помощи органов зрения (посл. *Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать*), поэтому глаза наделяются волшебной магической силой. Чтобы обмануть человека, нужно было как-то воздействовать на глаза, помешать ему увидеть, что есть на самом деле. Так возникли идиомы *пускать пыль в глаза, замазать глаза, жвір у вочы сыпаць, замыльваць вочы, чмуту ў вочы пускаць, спяпціць вочы*.

В образе человеческого тела особое значение придавалось руке, которая награждалась несколькими символическими значениями: рука – орудие приобретения материальных благ, в основном, нечестным путем (*греть руки, запускать руку во что-либо, прыбіраць да рук, руку заскабіць, цюку ў руку*). Часто, раз речь идет о поведении, противоречащем морали данного языкового коллектива и вследствие этого осуждаемом, употребляется лексема *лапа* (*даць на лапу, лапкі пагрэць, накладваць лапу*). Наличие в данной группе идиом слово-компонента *карман* (*кішэнь*) можно объяснить тем, что эта деталь одежды предназначена для рук или для каких-либо предметов, которые попадают туда именно при помощи рук (*набиваць карманы, залезць в карман к кому-либо, класці ў сваю кішэнь*); рука – символ власти (*взяць в свои руки*); рука – опора, которой можно «поделиться» (*протянуть руку помощи, падаць руку*).

Говоря о группе мифов, посвященных устройству общества, следует отметить, что наши предки, будучи язычниками, особое внимание уделяли богам и всякой нечистой силе. Этим существам они не просто считали реально существующими, но наделяли их огромной властью над собственной жизнью. Достаточно трудно заметить четкую границу между добрыми и злыми богами, большинство из них амбивалентны по своей сути. Представители же нечистой силы трактовались однозначно – как враги рода человеческого, хотя и не все, например, домовый считался хозяином дома, и если с ним дружить, не гневить, то он становился хранителем очага. Несмотря на огромное количество мифов о богах и дьяволах, идиом с этой мифологической основой не так уж много. В идиомах *даць перуноў, даць чарцей* можно усмотреть реликты прежнего языческого многобожия (Перун – верховное языческое божество, способное наказывать провинившихся, метая громы и молнии). Интересно отметить, что синонимичное употребление этих идиом свидетельствует об уравнивании верховных богов с мелкой нечистью, в чем явно просматривается влияние христианства, для которого и Перун, занимающий центральное место в паноптикуме языческих божеств, и черти – бесы одного ранга. Идиома *морочить голову* – имеет несомненную мифологическую основу. Корень *мор-* напрямую указывает на связь с языческой богиней восточных славян Морой (Марой). По поверьям, Мора душит и мучает сгящего человека, наваливаясь ночью ему на грудь. Отличается бледностью, худобой, длинными руками и ногами. А. Н. Афанасьев называет эту богиню злым духом болезней и смерти и приводит слова с таким же корнем: кошмар, обморок (болезненный припадок), польск *зтога – удушье* [5]. Можно также добавить: сумрак, мрак, морока, марево, смерть, бел. змрок. Все они обладают в той или иной степени близкой семантикой, акцентируя различные черты самой богини, ее действий и последствий этих действий.

Как видим, мифы приходят к нам почти в неизменном, первозданном виде, «сворачивая» свой сюжет, своих героев в такие уникальные микротексты, как фразеологизмы. Анализ мифологической фразеологии открывает широчайшие перспективы в решении проблемы реконструкции мировоззрения и мировосприятия наших предков. Такого рода исследования помогают сформировать знание об особенностях национального менталитета, а значит, о нас самих.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Базылев В.Н.** Язык – ритуал – миф. М.: Изд-во МГЛУ, 1994. С. 137.
2. **Маслова В.А.** Введение в лингвокультурологию. М.: Наследие, 1997. С. 91.
3. **Казакоева І.В.** Міфалагемы і магія ў беларускім абрадавым фальклоры. Мн.: БОФФ, 1997. С. 65.
4. **Иванов В.В., Топоров В.Н.** Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. С. 260-266.

- 5 **Афанасьев А.Н.** Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М.: Современный писатель, 1995. Т. 1. С. 38.

S U M M A R Y

The article is devoted to the human's behaviour in the context of national culture. The object of our research is mythological phraseology of Belorussian and Russian languages.